

«Русский автор» в
1739 году: Г. З. Байер,
И. И. Тауберт
и формирование
русского школьного
канона*

**Андрей Александрович
Костин**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономи-
ки»; Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
С.-Петербург, Россия

**Татьяна Владимировна
Костина**

Санкт-Петербургский институт
истории РАН
С.-Петербург, Россия

“Russian author” in
1739: Gottlieb Bayer,
Ivan Taubert and the
First Steps of Russian
School Literary
Canon

Andrei A. Kostin

National Research University Higher
School of Economics; Institute of Russian
Literature (Pushkin House) of the
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatiana V. Kostina

St. Petersburg Institute of History of
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Резюме

В 1730-х гг. в Петербургской академии наук велась разработка учебных про-
грамм для гимназии, которые позволили бы сделать ее учебным заведением,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований: проекты 17-06-00288-ОГН и 18-013-00595.

Цитирование: *Костин А. А., Костина Т. В.* «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и
формирование русского школьного канона // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 163–197.

Citation: *Kostin A. A., Kostina T. V.* (2019) “Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the
First Steps of Russian School Literary Canon. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 163–197.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.6

готовящим специалистов не только для Академии наук, но и шире — для различных родов государственной службы, где было востребовано знание немецкого и русского языков. По Регламенту Г. В. Крафта (1739) гимназия не просто сохраняла разделение на немецкое и латинское отделения. Преподавание в немецкой школе выстраивалось так, что курсы представляли собой завершённый круг наук, в котором обучение русскому стилю было не менее значимым, чем овладение немецким. Визионерски конструируя классы, где в равной степени смешивались бы ученики с различными родными языками, Академия наук создавала билингвальный корпус учебных пособий, позволявший вести обучение одновременно на немецком и русском языках (и обучать им).

Важнейшим элементом этого комплекса оказывался впервые формально введённый в русскую школьную программу «русский (по аналогии с латинским/греческим) автор». Эту ключевую позицию заняла изданная в 1736–1737 гг. по-немецки и переведённая в 1737 г. И. И. Таубертом «Азовская история» Г. З. Байера. Анализ комплекса школьных пособий, предлагавшихся Регламентом Крафта, а также книготорговой практики Академии наук начала 1740-х гг. показывает, что этот выбор не был случайным — он согласовывался со взглядами читающей русской публики (а также сотрудников Академии наук) на структуру вербального производства. Маргинальное положение стихотворных текстов в этой структуре и вместе с тем внимание ее акторов к вопросам стиля ставят вопрос о возможности исторического нарратива о русской литературе 1730-х гг., в центре которого оказывались бы коллегиальная работа переводчиков Российского собрания и содержание всей совокупности издававшихся Академией наук книг — не только на русском языке.

Ключевые слова

Г. З. Байер, И. И. Тауберт, XVIII век, Петербургская академия наук, история учебных пособий, теория литературы, история литературы в России, билингвальность

Abstract

In the 1730s, the administration of the St. Petersburg Academy of Sciences redesigned the program of study at the Academy's gymnasium. Their goal was to create an institution capable of preparing specialists not only for the Academy itself, but also for the civil service, which required people educated in both Russian and German. The regulation (*reglament*) developed by Georg Krafft in 1739, besides preserving the previous division of the gymnasium into Latin and German departments, redesigned the instruction offered by the German department to form a full curriculum, in which Russian-style instruction was as important as mastering the German language. This visionary project put together classes in which pupils whose native language was Russian would study in the same classroom as students whose native language was German, which led the Academy to develop a corpus of bilingual (German/Russian) textbooks. A key element of the syllabus was the study of "a Russian author" (analogous to the well-developed system of "reading authors" in European Latin schools), the first time this method had been introduced in a Russian school. Gottlieb Siegfried Bayer's "Azov History" (*Begebenheiten von Azow, 1736–37*), translated into Russian by Ivan Taubert (1737), was chosen as the set text. The

whole syllabus provided by Krafft's 1739 gymnasium regulation, as well as the book-selling practice of the Academy in the early 1740s, makes it clear that the selection of Bayer's book was not coincidental — it corresponded well to the Russian reading public's ideas about proper verbal composition. The marginal status of verse (poetry) in this structure, combined with the actors' attention to questions of style, provide the basis for a new narrative for Russian literary history of the 1730s, centered around the collective work of the translators of the under-studied Russian Society (*Rossijskoe sobranie*), established in 1735. Such a narrative would consider the whole catalogue of books published by the Academy, whether in Russian or in other languages.

Keywords

Gottlieb Siegfried Bayer, Ivan Taubert, 18th century, Russia, St. Petersburg Academy of Sciences, school book history, literary history, historical narrative, bilingualism

В 2015 г. в публикации «Регламента Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта (1739) [Костин, Костина 2015] нам приходилось обращать внимание на то, что этот документ важен в том числе как одно из первых свидетельств о введении в практику школьного образования в России традиции чтения образцового русского автора — по аналогии с устоявшейся (при всем различии и изменчивости канонов) и во многом формировавшей европейскую культуру практикой «чтения автора» в школьном курсе освоения латинского языка и стиля [Curtius 1948 (с последующими переизданиями и переводами); Ong 1959; Black 2001; Green 2009].

Регламент Крафта, в основном определявший учебную программу гимназии Академии наук, по-видимому, вплоть до 1748 г., когда она перешла под управление И. Э. Фишера¹, недвусмысленно указывал, что старшие ученики немецкого отделения гимназии («немецкого главного класса») наряду с геометрией, арифметикой, географией, «универсальной историей и генеалогией» и «катехизмом греческого исповедания» должны были проходить «немецкого автора и разговоры» (с 8 до 10 часов утра в понедельник, вторник, четверг и пятницу) и «русского автора и письма» (также с утра в среду и субботу). Вместе с тем Регламент не указывал, какие именно тексты должны составлять содержание курса, — в этом отношении текст программы немецкого отделения

¹ Известно, что 13 августа 1742 г. Крафт представлял другой Регламент [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 17. Л. 1 об.], менявший, по-видимому, структуру Гимназии: в объявлениях о лекциях 1742 г. она уже описывалась как восьмиклассная. Однако текст этого Регламента пока разыскать не удалось. Набор пособий, использовавшихся в гимназии, между тем оставался неизменным вплоть до передачи дел Фишеру в 1748 г. (см. ниже).

гимназии не отличался от расписания «латинского главного класса», где в третьем классе из четырех предлагалось читать «легкого автора классического», а во втором и первом (старших) — более сложных «авторов классических» [Костин, Костина 2015: 241–245]. Ответ на вопрос о том, на каких текстах строилось изучение «авторов» в немецком отделении Академической гимназии в конце 1730-х гг., как представляется, важен не только для истории этого учебного заведения, но и для лучшего понимания литературной ситуации в России в конце правления Анны Иоанновны.

(Не)классический «автор»

Комментируя текст Регламента Крафта, мы предположили, что «определявший содержание курса русского языка В. Е. Адодуров во 2-й половине 1730-х гг. мог считать образцовым русским автором лишь А. Д. Кантемира» [Костин, Костина 2015: 261], и в качестве наиболее вероятного текста предложили видеть выполненный Кантемиром перевод «Разговора о множестве миров» Б. Фонтенеля. Коллеги (специалисты по истории, истории литературы и языка XVIII века), которым мы задавали вопрос о том, что может скрываться в данном случае под «русским автором», несмотря на разнообразие предлагаемых имен (Кантемир, Третьяковский, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский и др.), сходились с нами во мнении, что под «автором» следует понимать «писателя»: автора сочинений в жанрах, традиционно в наше время рассматриваемых в курсе истории литературы (ораторская проза, поэзия — сатиры, оды, стихи на случай, драматургия и пр.). Вновь найденные документы, связанные с Регламентом Крафта, показывают, что это не так, — мы должны составить более четкое представление не только о практике «чтения автора» в школе 1730-х гг., но и о том, чем была в России «литература» в переходный период от петровской (преимущественно рукописной или направляемой верховной властью печатной) словесности к «собственно литературе» (особенно позднего) елизаветинского царствования, включающей систему конкурирующих государственных типографий и достаточно обширную группу «писателей» в понимании, близком к современному, взаимодействующих в форме книжных и журнальных публикаций, на театральной сцене или в рукописной полемике.

Готовя к изданию русский текст Регламента 1739 г., мы не учли, что одна из его редакций (немецкая, 1738 г., обозначенная нами сигнатурой А) включает в себя после основного текста ряд приложений, в том числе — «Каталог книг, которые по указанию Регламента должны использоваться в Гимназии» (*Catalogus der Bücher, die nach Bezeige des*

Reglement in dem *Gymnasio* sollen gebraucht werden²). Среди 36 номеров этого списка пять позволяют с полной ясностью понять, какие пособия предполагалось использовать в занятиях по русскому и немецкому стилю в старшем классе немецкого отделения гимназии:

10. Ruisische Gespräche, sind fertig.
11. Ruisischer *Author*, Uebersetzung der *Historie* von *Azow*.
12. Teutscher *Author*, Samlungen der Russischen *Historie*.
13. Russische Briefe, davon soll eine Sammlung übersetzt werden.
14. Teutsche Briefe von Neukirch.³

Таким образом, ответ на вопрос о том, что представлял собой «автор» немецкого отделения академической гимназии в 1738 г., оказывается однозначным: вершиной освоения как немецкого, так и русского стиля оказывалось чтение «Азовской истории» Г. З. Байера — соответственно, в немецком оригинале и русском переводе, выполненном И. И. Таубертом⁴.

Чтобы понять, как текст, заметно отличающийся от современных стандартных представлений о «литературе», занял в гимназическом курсе эту позицию, представляется нужным рассмотреть как школьный, так и более широкий читательский контекст его бытования.

Учебные пособия академической гимназии конца 1730-х гг.:
билингвальный комплекс

Распределение готовых к использованию в классе, переведенных (на русский язык) и оригинальных немецких текстов в перечне, приложенном к Регламенту Крафта, позволяет уверенно говорить о том, что занятия русским и немецким стилем не предполагали разделения аудитории на учеников, для которых тот или иной язык не был родным: вместе с «русским автором» должно было использоваться одно из эпистолярных пособий Б. Нейкирха и «собрание русских писем»; вместе с «немецким автором» — четырехязычные «Школьные разговоры»,

² При передаче немецкого текста здесь и далее сохраняется орфография источника. Язык немецкоязычных документов академической гимназии 1730-х гг. предполагал многочисленные иноязычные вставки, для которых и в рукописных документах, и в печатных книгах использовалась иная графика. Для сохранения этого графического разнообразия здесь и далее иноязычные вставки приводятся курсивом.

³ «10. Русские разговоры, готовы; 11. Русский автор, перевод Азовской истории. 12. Немецкий автор. Собрание российской истории. 13. Русские письма, сборник которых следует перевести. 14. Немецкие письма, Нейкирха» (пер. А. Костина). СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. № 5. Л. 82. Ср.: [Костина, Кирикова 2018: 207–209].

⁴ См. прим. 22, 23, 24.

подготовленные М. Шванвицем на основании пособия И. Ланге и изданные Академией наук в 1738 г.⁵

Сказанное, как представляется, позволяет увидеть, что подбор учебных пособий в немецком классе академической гимназии по Регламенту Крафта определялся возможностью использовать их билингвально — так, чтобы в распоряжении учеников оказывались дублирующие друг друга русские и немецкие тексты. Требование это распространялось не только на пособия по языковым курсам, но и, по-видимому, на все курсы программы (начало работы над которой приходится на 1737 г. и связано с вызванной пересмотром недорослей образовательной реформой [Федюкин 2014]). Названия курсов начальных классов гимназии⁶ показывают, что изучение русского и немецкого языков (а также основ латинской грамотности) проходило в одних классах и параллельно. К сожалению, из пособий по чтению (азбук), единообразно указанных в приложении к Регламенту Крафта как отпечатанные (1. Ruisches ABC Buch, ist bereits vorhanden; 3. Teutsches ABC Buch, ist bereits vorhanden; 7. Lateinisches ABC Buch ist bereits vorhanden), относительно надежно можно атрибутировать только русскую азбуку — «Юности честное зеркало»⁷. Скорее всего, тексты использовавшихся латинской и немецкой

⁵ Подробнее о пособиях в приложении к Регламенту см. в работе: [Костина, Кирикова 2018]. В статье не учтены важные работы Г. Кайперта [Keipert 1994a; Keipert 1994b].

⁶ В нижнем классе: «читать по-русски, по-немецки и по латыни», «начало русской и немецкой грамматики», «писать по-русски, по-немецки и по-латыни»; в среднем классе: «русская и немецкая грамматика», «русские и немецкие переводы», «русские и немецкие разговоры».

⁷ Изданные Академией наук «Азбуки немецкия и латинския» упоминаются в соответствующих каталогах начиная с 1731 г. [Winter 1953: вкл. м. 196–197; Беляев 1896: 5; Verzeichnis 1739: A2r]. В каталоге академических изданий 1731 г. значатся только латинская и немецкая азбуки, продающиеся по 8 коп.; в каталоге 1735/1736 г. — латинская по 8 коп., а также немецкая и французская, по 10 коп. каждая; наконец, в каталоге 1739 г. — латинская, немецкая и французская азбуки, по 10 копеек каждая. Продажа по новой цене означает, что немецкая и латинская азбуки выпускались Академией наук в 1730-х гг. по меньшей мере дважды каждая. Из этих пособий по «Сводному каталогу книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» предположительно удается идентифицировать лишь латинскую азбуку (№ 10) [Сводный каталог 1984: 17]. Неясна датировка петербургской немецкой азбуки, описанной под № 8. В качестве русской азбуки могла использоваться как азбука-восьмилистка, так и букварь в составе «Первого учения отроком» Феофана Прокоповича, однако следует учитывать, что оба пособия предлагали обучение только церковному алфавиту. Двухязычный букварь «Начало писмен детям к наставлению на латинском языке», предлагающий также только церковный шрифт для русского языка, впервые изданный в 1724 г. и переизданный из-за исчерпания запасов в 1739 г., распространялся по епархиальным семинариям [Описание 1913: 246–248]. Русская азбука, создание которой было поручено 7 июля 1738 г. Росийскому собранию Корфом [Пекарский 1870: 640], по-видимому, не была подготовлена. Использование «Юности честного зеркала» (несохранившегося)

азбуки отличались от этого учебника; однако в случае с другим элементарным пособием — прописями — можно предполагать связанность содержания немецкого и русского варианта.

На необходимость издать три прописи указывает приложение к Регламенту 1739 г.: «2. Russische Vorschriften... 4. Teutsche Vorschriften... 8. Lateinische Vorschriften»; во всех трех случаях добавлено: «... in Kupfer gestochen, sollen gestochen werden»⁸. Начальная версия Регламента была обсуждена Конференцией Академии наук к 24 ноября 1738 г., впоследствии работа над ним шла до лета 1739 г.; немецкий список Регламента, содержащий перечень учебных пособий, предположительно датируется концом 1738 г. Упоминаемые здесь латинские и немецкие прописи были выгравированы и отпечатаны к марту 1739 г. и поступили в распоряжение гимназии в апреле; 1 апреля Крафт предлагал «таковыя прописи на русском языке сделать», на что академическая Канцелярия приняла решение: «для русских прописей сыскать искуснаго письма человека из иностранной коллегии, и как прислан будет, то по правописанию его гридировать доски»; отпечатаны они были не позже марта 1740 г. [Материалы IV: 85–86, 356–357]⁹. К сожалению, экземпляры этих прописей, — в реестрах досок гравировальной палаты числившихся как «учебная азбука российская и немецкая» или «учебная азбука словесная, российская и немецкая» (на 23 или 26 листах 4°) [Материалы V: 533; Материалы IX: 465], — не сохранились или неизвестны. Можно предполагать, что по содержанию в текстовой части они предлагали одинаковый материал.

Если в случае с элементарными пособиями по чтению и письму билингвальный характер учебных текстов немецкой гимназии гипотетичен, то для основных учебников немецкой гимназии он становится очевидным.

академического издания 1737 или известного 1740 г. [Луппов 1976: 133–134]) в качестве азбуки устанавливается по описанию библиотеки инспектора гимназии, зафиксированному в перечне, составленном в марте 1748 г. при передаче этой должности от П.-Л. Леруа к И.-Э. Фишеру ([Материалы IX: 119]). Примечательно, что в 1737 г., незадолго до приема в гимназию грузинских царевичей князей Багратионов, в Академии наук была издана грузинская и русская азбука (гражданского шрифта), включавшая в том числе элементарный материал для чтения на латинском и немецком языках.

⁸ «2. Русские прописи ... 4. Немецкие прописи ... 8. Латинские прописи вырезанные на меди; следует вырезать». В каталоге досок, хранившихся в Гравировальной палате Академии наук в 1790-х гг., под № 57 упоминаются 11 листов русских и 6 листов немецких форшрифтов; публикаторы каталога предположительно идентифицируют их с прописями из пособия Ф. И. Янковича де Мириево «Прописи, расположенные по правилам Руководства к чистописанию» (СПб., 1782); см.: [Гравировальная палата 1985: 178, 192].

⁹ Изданные Академией наук прописи отсутствуют в каталоге академических книг 1739 г. и появляются в каталоге 1740 г., причем «Vorschriften Teutsche, Französische, und Lateinische 45 Сор.» упомянуты среди вышедших книг, а «Russische Vorschriften» — среди книг, готовящихся к изданию. [Verzeichnis 1739; Verzeichnis 1740: [11–12]].

Как уже сказано выше, билингвальный аспект виден уже из названий курсов младших классов (в нижнем классе: «Начало русской и немецкой грамматики»; в среднем классе: «Русская и немецкая грамматика», «Русские и немецкие переводы», «Русские и немецкие разговоры»). И хотя в случае с грамматическим курсом мы, по-видимому, имеем дело с преподаванием по пособиям, различавшимся для этих языков, более важным представляется тот факт, что пособия эти оказывались двуязычными; каждый из двух языков преподавался одновременно как родной и иностранный. «Немецкая грамматика» Шванвица и в ее начальном издании (1730), и во втором, существенно отредактированном В. Е. Адодуровым (1734), и в последующих представляла собой двуязычное издание и, соответственно, могла использоваться как русско-, так и немецкоязычными учениками. Точно так же билингвально, по-видимому, строилось преподавание русской грамматики. Список пособий, приложенный к Регламенту Крафта 1739 г., включает «5. *Rusische Grammatic, ist bereits vorhanden*»¹⁰, — в качестве «готовой» (напечатанной) грамматики речь здесь может идти только о составленном Адодуровым приложении к Вейсманову лексикону — «*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*» (1731); между тем известно, что в 1738–39 гг. курс читался в том числе по-русски для русскоязычных учеников, причем в редакции, заметно более полной, чем краткие «*Anfangs-Gründe*» [Успенский 1975]¹¹.

Взаимосвязанность пособий русской и немецкой частей курса видна и в предметах, названных в Регламенте 1739 г. «переводами» и «разговорами». В последнем случае (в немецкоязычной редакции этот предмет назван «*Rusische und Teutsche dialogi*») пособием оказывались, скорее всего, переведенные на русский язык Шванвицем и изданные впервые в 1738 г. на четырех языках (русский, латинский, немецкий, французский) «Школьные разговоры» (*Tirocinium dialogicum*) Ланге¹². Что касается «переводов» как составной части языкового курса («*Leichte Versiones*», как они названы в немецкоязычной редакции Регламента), то использовавшиеся для них пособия остаются неизвестными, однако можно с уверенностью говорить, что тексты для переводов не различались для русско- и немецкоязычной частей аудитории¹³.

¹⁰ «5. Русская грамматика, уже готова»; ср.: «6. *Teutsche Grammatic, ist bereits vorhanden*».

¹¹ В свете выявленного параллельного изучения русской и немецкой грамматик учениками Академической гимназии приобретают особое значение наблюдения Г. Кайперта о взаимовлиянии теоретического аппарата грамматик Шванвица и Адодурова [Keipert 1983].

¹² См. прим. 6.

¹³ Можно предположить, что в качестве пособия использовались «Смешанные речи» (предположительно созданные И. Паузе на основании учебников Г. В. Лудольфа, Я. Коменского и Й. Ланге), поступившие в продажу в конце

Билингвальность учебных пособий немецкой части гимназии Академии наук особенно заметна в предметах старшего класса. Дублирование русского и немецкого текстов предполагалось здесь не только курсами языка и стиля (русский/немецкий автор; письма; разговоры, — см. об этом выше), но и курсами «Арифметики» и «Геометрии», «Географии», «Универсальной истории и генеалогии». Три из них были подготовлены по-немецки профессорами Академии наук и переведены ее сотрудниками (география и геометрия Крафта; арифметика Эйлера¹⁴). Аналогично задуманное пособие по истории («15. *Universal Historie, nebst der Genealogie; soll bey der Academie verfertigt werden, nebst einem Anhang von der Mythologie*»¹⁵), составление которого академическая Канцелярия в начале 1739 г. поручила Я. Штелину [Материалы IV: 57], не было осуществлено. Пособием, использовавшимся в немецкой гимназии для курса истории, с начала 1739 г. стало «*Einleitung zur Universalhistorie*» Г. Кураса [Ibid.: 56] (первое изд. — Berlin, 1723), к 1746 г. переведенное С. С. Волчковым («Введение в генеральную историю»; СПб., 1747). Это пособие сменило использовавшийся на протяжении 1730-х гг. учебник И. Гюбнера «*Kurtze Fragen aus der politischen Historia*» [Кирикова, Костина 2018: 198–200, 203].

Билингвальность курса и билингвальность аудитории

Анализ уставных документов академической гимназии и личного состава ее учеников позволяет установить, как к 1738 г. в этом учебном заведении сложился во многом визионерский билингвальный курс.

В 1735 г. гимназия Академии наук была разделена на два отделения — «немецкий» и «латинский» главные классы, различные прежде

1730-х гг. [Keipert 1999; Костина, Кирикова 2018: 201–202]. Книга (возможно, продававшаяся недопечатанной, т. к. полного комплекта печатных листов неизвестно) составлена из фраз, представленных параллельно на русском и немецком языках, причем в учебных целях сложные предложения разбивались на составляющие их простые. В курсе латинской школы элементарные тексты для перевода черпались, по-видимому, в разделе с краткими извлечениями исторических фрагментов из античных авторов, включенном в пособие «*Compendium Grammaticae Latinae, Oder: Kurtzer Auszug Aus der grösseren Lateinischen Grammatica Marchica*» (первое изд. — Berlin, 1716), составлявшее основу для курсов латинской школы академической гимназии и переведенное позже В. И. Лебедевым.

¹⁴ «*Kurtze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie*» (1738; «Краткое руководство к математической и натуральной географии» в пер. Ф. Эмме — 1739) и «*Kurtze Einleitung zur theoretischen Geometrie*» (1740; «Краткое руководство к теоретической геометрии» в переводе И. Голубцова — 1748); «*Einleitung zur Rechen-Kunst*» (1738–1740; «Руководство к арифметике» в пер. В. Е. Адодурова — 1740).

¹⁵ «15. Всеобщая история с генеалогией, следует приготовить при Академии, с приложением Мифологии».

всего не по языку, но по цели образования [Костин, Костина 2015: 224]. Латинская гимназия, по большому счету, готовила детей, которые после ее окончания должны были переходить в университет; немецкая давала общее образование, не предполагавшее дальнейшее занятие «науками». Между тем обучение в обеих «школах» обязывало к изучению латинского языка: ученики младшего и среднего немецких классов проходили этот курс (по 4 аудиторных часа из 26 в неделю), «понеже и тем, которые немецкому языку весьма себя вдать пожелают, латинского языка некое знание иметь полезно будет». В общей системе немецкие классы оказывались подготовительным этапом к латинской школе, безусловным требованием к поступлению в которую было знание немецкого языка («тот только принят будет, кто немецкий язык хотя посреднему знать будет, дабы учителя, учащаго по немецки, понимать мог») [Материалы II: 654–665, 670–680]. Регламентом 1739 г. эта структура гимназии в целом сохранялась; более того, с уничтожением нижнего латинского класса — квинты — количество аудиторных часов немецкого главного класса, на которых могла преподаваться латынь, увеличивалось — соответственно до 10 и 6 в нижнем и среднем классах. Квалификационным требованием для поступления в латинскую школу становилось знание не только немецкого, но и латинского языка («не принимать никого кроме тех, которые уже по-латыне читать и писать умеют, а о немецком языке то наперед разумеется») [Костин, Костина 2015: 243].

При всей кажущейся преемственности двух регламентов ужесточение требований для зачисления в латинскую школу не было лишь косметическим изменением. Петровский «Проект» 1724 г. о создании Академии наук встраивал создающуюся в ее составе гимназию в систему подготовки ученых; эту специфику учитывали все уставные документы учебных заведений Академии до принятия ее Регламента 1747 г. Организация особого (не связанного с научной карьерой и ориентированного на дворян) отделения гимназии, составляющая основу институциональных поисков руководства Академии в 1730-х гг. в области образования, требовала интеллектуальных усилий по интерпретации основного уставного документа, вполне оформившихся лишь в Регламенте Крафта. Показательны здесь изменения, введенные этим документом относительно преамбулы предшествующего регламента, «Формулы гимназии» 1735 г.

В «Формуле гимназии» единственной целью ее существования объявляется («Gymnasium ... ea fini est institutum»), «чтоб честные юноши, свободным наукам обучавшиеся, могли достигнуть до познания наук академических», но допускается оговорка, что «понеже не всякие

разумы до науки способны суть, а некоторые до высоких наук и допускать не надлежит, однако ж и тем, которые в иное жития состояние вступить имеют, будет в гимназии место, что и они от сего наставления (ab hac institutione. — А. К., Т. К.) не малую пользу воспринять могут» [Материалы II: 670]¹⁶. Академия в этой системе становится единственной инстанцией, определяющей способность обучающихся в гимназии детей быть допущенными к кругу высших наук; тем, кто не желает или не имеет способности к такому обучению, предлагается получить пользу от простого соприкосновения с установленной школой «свободных наук». При сохранении большинства содержательных элементов «Формулы» Регламент Крафта меняет саму логику преамбулы. Подготовка к университетскому курсу объявляется лишь «главным намерением» (Haupt-Absicht) гимназии, при этом в качестве самостоятельной дополнительной цели (Neben-Absicht) описывается другая модель образования, существование которой определяется не способностями учеников и экспертизой преподавателей, но внешней по отношению к Академии наук институцией: «притом не надлежит оставлять и другого также полезного намерения [Neben-Absicht. — А. К., Т. К.], а имянно: понеже из родителей некоторые склонности не имеют, а другие и не в состоянии детей своих при науках содержать, но токмо желают, чтоб они какому-нибудь языку или одной какой науке, которая б им в будущем состоянии их жития некоторую пользу приносить могла, обучены были, то надлежит и сие их желание удовлетворять, что весьма легко учиниться может, а особливо ежели первое [т. е. подготовка к университетскому курсу, Haupt-Absicht. — А. К., Т. К.] на добром основании учреждено» [Костин, Костина 2015: 240; ср. СПбФ АРАН. Р. I. № 70. Л. 60 об.]. Существенно более важной, чем высокие требования к зачислению в латинскую школу, оказывалась возможность для учащихся немецкой школы (их родителей) самостоятельно определить набор изучаемых языков, выбрав специализацию (немецко-латинскую «научную» или немецко-русскую «полезную») с момента зачисления в школу [Костин, Костина 2015: 239–240]. Регламент 1739 года, таким образом, устанавливал правомочность нелатинской школы «полезных наук» в составе гимназии, отвечая на запрос родителей учеников или конструируя его.

¹⁶ Ср.: «Cum autem non omnia ingenia ad eruditionem apta sunt, quaedam etiam ab optimarum artium studiis depelli praestat: erit tamen in Gymnasio iis quoque locus, qui aliud vitae genus ingressuri sunt, quos nihilo minus ab hac institutione haud exiguam utilitatem capturos esse apparet» (букв. пер.: «Поскольку не все умы способны к эрудиции, а некоторые даже следует от изучения высших наук удерживать, будет в Гимназии место и тем, кому надлежит вступить в иной род жизни, которым подобает получить от этого установления [порядка подготовки к высшим наукам. — А. К., Т. К.] немалую пользу») [Материалы II: 654].

Как позволяет судить созданная Т. В. Костиной база данных академических гимназистов [Костина 2018], изменения в статусе немецкой школы и структуре классов привели к существенным изменениям в национальном составе немецкой школы в составе гимназии. До 1738 г. немецкая школа была преимущественно учебным заведением для русскоязычных детей, желавших освоить немецкий язык; дети из нерусскоязычных семей поступали в нее очень редко (за пять лет, с 1734 по 1738 г., только 32 человека из 282¹⁷, т. е. немногим больше 10%). Наоборот, с 1739 по 1741 г. дети из нерусскоязычных семей составили более трети из поступивших (51 из 141; в 1739 г. – 23 из 40, более половины). Билингвальный характер перечня учебных пособий, приложенного к немецкому списку Регламента, относящемуся к 1738 г., показывает, что подобный национальный состав учеников немецкой гимназии в 1739 г. сложился не случайно, но планировался создателями Регламента. Немецкий класс был прежде всего школой иностранного языка: в одном классе и под руководством одного учителя русскоязычные дети учились немецкому языку, немецкоязычные — русскому (а братья Иван и Ионафан Багратионы и сын пленного шведского капрала Карл Бергстрем, по-видимому, — обоим). При том, что Регламент допускал освобождение ученика от изучения одного из преподающихся языков, порядок этот был экстраординарным: «понеже ... усмотрено, что как ... не всех русских детей ... к учению немецкого языка, так и не всех иноземческих детей к учению российского языка принудить можно, то в рассуждении сих обоих языков оставляется на волю инспектора Гимназии, которых учеников ... он от того уволить хочет» [Костин, Костина 2015: 242]. Нормальным (строящимся на естественном «принуждении») предполагалось изучение обоих языков, при этом, как можно судить по III статье Регламента, несмотря на сохранение названия «немецкого главного класса», основным для этой школы оказывалось изучение русского языка: «всем молодым людям, которых в оной приняты будут, кроме русского и немецкому языку обучаться» (*neben der Ruischen auch die Teutsche Sprache zu erlernen*) [Костин, Костина 2015: 239–240; СПбФ АРАН, Р. I, Оп. 70, № 5, л. 61].

В этой системе чтение «русского автора» (и соответствующего ему немецкого) оказывалось ключевым предметом курса, и выбор текста имел существенное значение.

Выбор «русского автора»: альтернативы и ориентиры

Как можно было заметить из приведенного обзора учебных пособий, предлагавшихся Регламентом Крафта, упор в нем делался не просто на

¹⁷ Данные приведены по состоянию базы данных на 8 декабря 2019 г.

билингвальность курсов, но на учебники, подготовленные и изданные Академией наук. Текст, выбранный в этой ситуации создателями программы для чтения в качестве «немецкого» и «русского автора» («Азовская история» Байера/Тауберта), представляет особый интерес. Несмотря на ограниченность репертуара изданных Академией наук к 1739 г. книг, предлагавших читателю возможность параллельного чтения русского и немецкого текстов, он включал все же более десятка заглавий [ср.: Verzeichnis 1739]. Здесь были и отдельные научные издания сотрудников Академии наук («О мерянии земли» Делиля; «О солнечных часах» Брюкнера), и краткая энциклопедия универсальных знаний («Расположение учений ... Петра Второго» Г. Бильфингера, включающее в том числе написанное Феофаном Прокоповичем краткое наставление в христианском законе), и сочинения, связанные с политическими событиями, церемониальной жизнью и праздниками двора (описание коронационной церемонии Анны Иоанновны и различные дипломатические акты), в том числе поэтические (хореическая ода Третьяковского на взятие Данцига и те окказиональные немецкие панегирики, в переводе которых создавался силлабо-тонический русский стих [Алексеева 2005: 91–159]); и, наконец, периодические издания, позволявшие отобрать для чтения тексты любого из перечисленных типов: русские и немецкие календари, «Ведомости» и «Примечания» на них.

Несмотря на все это разнообразие книг, брошюр и листов, включавших в том числе и тексты, которые могли бы быть отобраны в современную историко-литературную хрестоматию, для чтения в гимназии был выбран текст иного типа — пространное историческое сочинение, обосновывающее право России на недавно отвоеванные у Турции приазовские территории, вписывающее историю этих земель (и владеющей ими Российской империи) в контекст истории универсальной, — с древними скифами, войнами Александра Македонского и Юлия Цезаря, торговой экспансией Генуи, европейскими завоеваниями монголов и становлением Османской империи, подводящими к завоеванию Азова войсками Петра I в 1696 г. и его потере после Прутского похода 1711 г.

Чтобы увидеть школьную логику в этом выборе учебного пособия (предпочтении «истории» «литературе»), представляется важным посмотреть на то, каких «авторов» предлагалось читать ученикам академической гимназии в курсах французского и латинского языков, круг учебных пособий для которых не был ограничен билингвальными требованиями «немецкого главного класса» (и кругом изданий Академии наук). Наиболее показателен здесь пример с французским «автором». Приложение к Регламенту Крафта предлагает для этого предмета только одну книгу, «Les règles de la vie civile» Ж.-Б. Бельгарда (первое издание —

Paris, 1693). Это сочинение представляет собой поздний образец «зеркала государя» — свод правил поведения, обращенный к «политичной» жизни двора и проиллюстрированный краткими примерами из истории (в политической литературе, распространившейся в России в петровское и постпетровское время, наиболее близкими оказываются «Увещения и приклады политические» Юста Липсия в переводе Симона Кохановского). Чтение «автора» в этой системе предполагало, таким образом, подчинение занимательности нравоведению, предпочтение фрагментированных фабул — единому сюжету, а «историчности» — вымыслу.

С этой точки зрения, по-видимому, следует смотреть и на отбор авторов для «латинского главного класса», где чтение классиков распадалось на три ступени. На первой (третий класс) изучался «лехкий латинский классический автор»; приложение к Регламенту показывает, что автором этим оказывался Корнелий Непот [Кирикова, Костина 2018: 198–199, 202, 204, 208]. Предпочтение Непота Цезарю, наблюдаемое по истории учебных пособий Академии наук 1730-х гг., а также другим использовавшимся в то же время в Европе авторам для начального чтения (письма Цицерона; латинские басни Эзопа и др.) достаточно показательны: выбирается автор, хотя и не отличающийся изысканностью слога, но сопровождающий изложение отчетливой, в том числе политической, моралью; предлагающий читателю собрание небольших по объему и не связанных между собой биографий. На второй ступени (второй класс) читались «несколько трудный классический автор» и «лехкий латинский стихотворец». Это были, соответственно, Юстин (заметно фрагментированное, особенно в поздних книгах с их формулой перерыва «*Dum haec in X geruntur, interim...*», идущее от одной яркой выписки из источника к другой повествование, а не значительно более цельные и риторически нагруженные истории Тита Ливия или Квинта Курция) и «Тристий» Овидия (фрагментарные lamentации отлученного от двора поэта, соответствующие установке на «историчность» автора и использование мифологии только в качестве декорума, а не основы повествования, чем вызвано, по-видимому, их предпочтение «Метаморфозам»¹⁸). Наконец, на высшей ступени (первый класс) толковались

¹⁸ Стоит заметить, что чтение «Тристий» и «Писем с Понта» (а не «Метаморфоз») в качестве учебного пособия было нормальным и для немецких иезуитских школ в XVI–XVIII вв. (см. по указателю в: [Pachtler 1894]), и для учебных заведений А. Франке в Галле, на которые во многом ориентировалась учебная программа академической гимназии в 1730-х гг. ([Geschichte 1896: 262]; о значении пиетизма для языковых курсов Академии наук см.: [Keipert 1987]). В чтении Непота как начального автора латинского курса петербургская гимназия также, по-видимому, следовала за Галле [Geschichte 1896: 258–259, 280]), между тем в иезуитских программах этот автор появлялся лишь в единичных программах не раньше 1735 г.

«трудный латинский классический автор и стихотворец» — избранные речи Цицерона и Вергилий; только на этой стадии обучения, представляющей собой, по сути, подготовительный класс университета, ученик (готовый к профессиональной подготовке ученого) допускался к целостному эпическому рассказу и чтению утонченной связанной риторической речи.

«Азовская история» Байера соответствовала всем отмеченным требованиям. Составленная из написанных разрозненно, объединенных лишь общим местом действия (северное Причерноморье) фрагментов, распадающихся на отдельные самостоятельные элементы¹⁹, подчеркнута историчная, твердая в моральной оценке исторических персонажей, эта книга идеально подходила для изучения в качестве «лучшего автора» немецкой гимназии.

После Регламента: «Азовская история» как учебный текст

«Азовская история» была написана Байером в связи с важнейшим эпизодом Русско-Турецкой войны 1735–1739 гг. — осадой и взятием Азова в мае 1736 г. войсками под командованием П. П. Ласси²⁰. Оригинал на немецком языке был опубликован сначала как цикл статей в «Sammlung Rußischer Geschichte»²¹, а затем отдельной книгой²². Она стала одним из последних трудов Байера. В 1737 г. он собирался вернуться на родину и даже отослал в Кенигсберг свою библиотеку, но не успел выехать и

¹⁹ Ср. содержание книги, соответствующее названиям статей, напечатанных в нескольких выпусках «Sammlung Rußischer Geschichte» (см. прим. 22).

²⁰ Осада началась 8 (19) мая 1736 г. Наиболее раннее известие о запросе Байером материалов по истории Азова (русской рукописи «об азовской экспедиции» из собрания И. В. Паузе) относится к 12 мая; 16 июля он передавал в академическую Канцелярию вторую главу сочинения [Протоколы 1897: 269, 278, 280–281, 286]. 25 сентября 1736 г. архив Иностранной коллегии в Москве предоставил Академии наук справку в связи с работой Байера над историей Азова [СПбФ АРАН. Р. III. Оп. I. № 84]

²¹ [Bayer G. S.]: a) Alte Azowische und Crimische Begebenheiten // Sammlung Rußischer Geschichte. 1736. St. 1. Bd. 2. S. 36–80; b) Azow unter den Genuesern, Tatern und Türcken // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 81–103; c) Azow unter den Cosacken // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 104–125; d) Was Azows halben bis 1695 vorgefallen // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 126–178; e) Belagerung und Eroberung von Azow im Jahr 1695 und 1696 // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 3. S. 179–255; f) Anhang // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 3. S. 256–270.

²² [Bayer G. S.] Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Griechen erbauet und bewohnet worden, welche Völcker es sonsten zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Rußland gestanden, hernach in Polowzische, Genuesische und Türckische Hände gerathen, und wie es endlich von Rußland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst. St. Petersburg: Aus der Buchdruckerey der Academie der Wissenschaften, [1736]. 242 с., [2] л. табл., план.

скончался в Петербурге в феврале 1738 г. [Пекарский 1870: 192]. Выполненный Таубертом русский перевод «Краткой истории ... Азова», напечатанный в 1738 г., вышел уже после смерти автора²³.

Для понимания контекста создания «Азовской истории» и ее появления среди школьных текстов важно, что Байер по заключенному с ним в 1725 г. контракту был назначен в Академию не только профессором древностей и языков восточных, но и руководителем учебного процесса юношества, т. е. Академической гимназии [Материалы I: 150]. Не удивительно поэтому, что наряду с Х. Гольдбахом, Л. Эйлером и Г. В. Крафтом он входил в состав комиссии, которая была собрана 26 августа 1737 г. «для лутчаго при Академии в гимназиях порядка и учреждения, о содержании учеников и обучении» [Материалы III: 470]. Результатом деятельности этой комиссии и стал доработанный Крафтом «Регламент Академической гимназии» 1739 г.

Точный тираж первых изданий «Азовской истории» пока не установлен, но представление о нем можно получить из отчета типографии за 1737 г. В нем было сказано, что уже напечатано 1200 экземпляров книги «Замлунк, Собрание всяких до Российской истории принадлежащих известий», т. е. журнала, в этом году по большей части и состоявшего из «Азовской истории»; 500 экземпляров книги «История Азовская»; и что в обеих типографиях, русской и немецкой, «ныне печатается... Гистория Азовская на русском и немецком» [Летописи 1863: 28 (3-й паг.)]. О тираже немецкого издания можно судить по тому, что к концу 1752 г. в академической книжной лавке оставалось нераспроданными 893 экземпляра [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 6. № 23. Л. 30–35].

О том, что пособие в гимназии сразу же начали использовать на практике, мы можем судить по его заказам для учеников в книжной лавке Академии наук. В 1739 г. экземплярами «Азовской истории» награждали учеников немецкого класса, показавших лучшие успехи на экзаменах 3–5 мая²⁴. Часть экземпляров почти все время находилась у инспектора гимназии в запасе («в архиве при Гимназии»), что обнаружилось в 1744 г. при передаче дел от Крафта к Мессеру (3 экз. на рус. яз.), в 1748 г. при передаче от Леруа к Фишеру (10 экз. на нем. и 15 на рус. яз.) и в 1750 г. при отчете Фишера перед Канцелярией (8 экз. на

²³ [Байер Г. 3.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Переведено с немецкаго языка чрез И. К. Тауберта, Академии Наук Адъюнкта. В Санктпетербурге: При Императорской Академии Наук, 1738. 284 с., план.

²⁴ В немецкой гимназии шесть учеников (Иван Сердюков, Сергей Ахчурин, Петр Ушаков, Михаил Соймонов, Василий Горохов, Иван Орлов) получили экземпляры «Азовской истории» в 8° или «Русские разговоры» в 8° [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 176 об.].

нем. и 13 экз. на рус. яз.) [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 291; Материалы IX: 119, Материалы X: 461]. Известно, что два экземпляра, русский и немецкий, наряду с картами и другими учебными пособиями, в 1748 г. находились непосредственно в немецких классах гимназии, в которых они и использовались [Материалы IX: 122].

Использование книги в Академической гимназии (собственно «чтение автора») предполагало высокий уровень владения немецким языком, достигавшийся только к высшему классу немецкой гимназии. По-видимому, подтвержденный 24 июня 1747 г. «Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» вместе с новым штатом не способствовали сохранению уровня подготовки учеников в немецком языке. Гимназии теперь полагался только один преподаватель немецкого, а главное, объявлялось, что «учители все обучать должны на русском языке» [Уставы 1975: 52].

17 марта 1748 г. ректором Академической гимназии был назначен Фишер. Леруа, бывший до этого инспектором и не вносивший новаций в педагогическую практику, остался в ней преподавателем высшего французского класса [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 594. Л. 36]. В первое время своего ректорства Фишер, по-видимому, планировал придерживаться налаженной системы преподавания. В июне 1748 г. по его запросам ученикам из книжной лавки Академии наук в числе прочего дважды выдавались экземпляры «Азовской истории» [Idem. Л. 71, 81]. Однако уже 10 сентября Фишер докладывал в рапорте в Канцелярию: «В гимназии не имеется годного автора, ибо Азовская история ученикам очень тяжела, а Разговоров Ланговых в книжной лавке нет. Того ради сим представляю, чтоб повелено было вновь напечатать оные Ланговы разговоры или, ежели соблаговолено будет, те разговоры, которые господин профессор Крузиус на латинский язык перевел, в печать отдать» [Материалы IX: 404]. Тогда он вернул в книжную лавку 20 экземпляров «Азовской истории» (по 10 русских и немецких), пояснив, что «оных книг в книжной лавке нет, а у меня их за излишком явилось» [Ibid.].

Тем не менее, и в последующее десятилетие «Азовская история» продолжала находиться среди учебных пособий, использовавшихся в Академической гимназии. Так, профессор С. К. Котельников, назначенный инспектором гимназии 6 апреля 1761 г., обнаружил книгу среди пособий, имеющих у учителей и учеников [Владимиров 1867: 37].

Разрозненные косвенные данные позволяют предполагать, что учебник использовался не только в Академии наук, но и в частном преподавании, а также в других учебных заведениях. Так, известно, что в августе 1741 г. В. Н. Татищев при отъезде в Астрахань взял из книжной лавки Академии наук книги, которые, судя по наличию в списке 5

экземпляров «Юности честного зеркала», намеревался использовать в учебном процессе. Среди них была и «Азовская история» [Материалы IV: 720].

Новый всплеск в использовании «Азовской истории» как учебника был связан с переизданием русского варианта в 1768 г. в количестве 606 экземпляров [Самарин 1998: 79]²⁵. В том же 1768 г. разошлось 126 экземпляров книги, в 1769 г. еще 81, а в 1770 г. еще около 100, после чего наметилось снижение спроса [Ibid.]. Можно полагать, что «Азовскую историю» в эти годы начали использовать, помимо Академической гимназии, и в других учебных заведениях. Сохранились экземпляры «Азовской истории» (1768), на которых имеются маргиналии, показывающие вероятное использование книги в обучении²⁶.

«Азовская история» и ее читатели

Учебный узус книги, однако, должен рассматриваться лишь в связи с ее общим положением среди русских изданий первой половины XVIII века. Как представляется, статус «Азовской истории» для читающей публики в момент выхода и следующее за ним десятилетие был чрезвычайно высоким. Об этом говорит не только то, что книга входила в библиотеки столичной элиты (зачастую не в одном экземпляре) [Луппов 1976: 174–175; Байбурова 1996: 421–429] или то, что за первые десять лет первое издание было распродано почти полностью²⁷. Наиболее явно это позволяет увидеть известный эпизод 1742–1743 гг., когда сотрудники Академии наук были вынуждены отбирать в книжной лавке книги, которые могли бы частично возместить им более года не выплачивавшееся жалование (заявления содержали мотивировки бедственного состояния просителей, близкие такому: «наг и бос, но и дневною пищею с великою нуждою пробавляюся» [Материалы V: 794]). Эта ситуация заставляла делать выбор в пользу ликвидного товара: книг, которые — в реальности или воображении заявителей — можно было продать быстро и с наименьшей уценкой. Как показывают индивидуальные и

²⁵ Переиздание «Азовской истории» в 1768 г. было связано, скорее всего, с политическими событиями — началом Русско-Турецкой войны 1768–1774 гг.

²⁶ См., например, экз. БАН № 23607, содержащий многочисленные учебные пробы пера, в т. ч. немецкого шрифта. Многочисленные пометы разного характера, в т. ч. ученические, содержатся на экз. РНБ 138/143 («Сия задача / Сия задача»; «бежить волкъ / вылупя жопу / бежить волк»; «бежить упираецца / за каждая хватаица / якобы дондеже / надо всеми насмехаица»; «[заклеено экслибрисом]ъ вылупилъ глаза» и др., написанные разными почерками).

²⁷ В 1749 г. в книжной лавке оставалось всего 29 экз. и не было продано ни одного. В 1750 г. было продано 12 экз., в 1751 г. 1 экз., а в 1752 г. 9 экз.; 3 экземпляра в эти же годы выданы безденежно «в поднос» высокопоставленным особам [Самарин 1998: 78].

коллективные прошения, в наибольшей степени этим критериям отвечали переиздания базовых законодательных актов — «Уложение ... Алексея Михайловича» (1737) с «Генеральным регламентом» (1735; два издания запрашивались в паре) и выпущенный в октябре 1743 г. сборник «Указы ... Екатерины Алексиевны и ... Петра Второго», а также (в заметно меньшей степени) элементарный учебник «Юности честное зеркало» (1740). Эти книги оказывались достаточно надежным платежным средством; они составляют более 75% от общего числа экземпляров, запрошенных у канцелярии Академии наук ее сотрудниками.

Лишь три других издания, предлагавшихся книжной лавкой, также вызывали бесспорный стабильный спрос — два перевода Волчкова («Флоринова экономия» [1738] и «Грациан. Придворной человек» [1741/1742]), а также (и прежде всего) «Азовская история» Байера/Тауберта²⁸. Важными здесь оказываются не только общие количественные показатели (на протяжении нескольких месяцев несколько человек находят возможность продать заметное число экземпляров вышедшей пять лет назад книги — при том, что большая часть продукции, предлагаемой в книжной лавке, не вызывает интереса), но и характеристики отдельных заказов и их соотношение. Так, случаи повторного запроса того же издания во всем корпусе прошений устанавливаются, помимо законодательной и учебной литературы, только для этих трех книг. Они оказываются не только наиболее востребованными читателями, но во многом организуют вокруг себя все остальные академические издания. Из всех наиболее часто заказываемых книг «Флоринова экономия», «Азовская история» и «Грациан» по сочетаемости уступают лишь «уложению с регламентом», оказываясь более «универсальными», чем продававшиеся лучше «Юности честное зеркало» и «Указная книга». В случае с учебным контекстом бытования «Азовской истории» интересно прошение наборщика (в иерархии типографских служителей выше стоял только корректор) Ивана Сидорова от 29 июля 1743 г.,

²⁸ Распределение запрошенных экземпляров на ограниченном материале рассмотрено С. П. Лупповым [Луппов 1976: 133]. Нами использованы данные, опубликованные в «Материалах для истории Императорской академии наук» [Материалы V: 434, 435, 441, 448, 523, 536, 601, 602, 779, 780, 787–790, 793, 794, 800, 801, 807–809, 856, 857, 886–889, 892, 894–897, 912–914, 916–918, 936, 989 793–794] и несколько архивных дел (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 75, 81, 82; Оп. 6, № 10). Еще два издания, запрошенные более чем 5% заявителей, — «Руководство к арифметике» Л. Эйлера (скорее всего, русский перевод Адодурова 1740 г., а не немецкий оригинал) и перевод «Разговоров о множестве миров» Кантемира (1740) — не обнаруживают такого важного критерия стабильного спроса, как повторяющийся заказ, сделанный тем же заявителем; почти все случаи заказа «Разговоров о множестве миров» связаны с одним групповым прошением и объясняются, возможно, спорной рыночной установкой одного из заявителей (см.: [Материалы V: 779–780]).

запрашивавшего «Вейсманов лексикон, Разговоры четвероязычные, Азовская история, на немецком, да Уложение с регламентом» [Материалы V: 793–794]. За исключением стандартных книг по законодательству, этот заказ следует интерпретировать, по-видимому, как связанный с обучением немецкому языку: «Вейсманов [немецко-латинско-русский] лексикон» и «Четырехязычные школьные разговоры» Ланге были стандартными пособиями как в академической гимназии, так и за ее пределами. В других случаях (когда запрашивалось русское издание «Азовской истории») учебный характер заказа не устанавливается²⁹.

Статус «Азовской истории» среди русских книг первой половины XVIII в. подтверждается и известным перечнем полюбившихся «мещанам» книг в предисловии Н. И. Новикова к 3-му изданию «Живописца» (1775): «у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся [...] В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: “Троянская история”, “Синописис”, “Юности честное зеркало”, “Совершенное воспитание детей”, “Азовская история” и другие некоторые» [Новиков 1951: 96]. Примечательно здесь не только то, что вышедшее к тому времени по-русски лишь дважды сочинение Байера попадает в этот перечень зайцем, — в ряду изданий, выпускавшихся по-русски четыремя и более тиснениями. Новиков конструирует современную ему литературу и читателя, противопоставляя их активно присутствующим в читательском опыте книгам прошлых эпох. Сопоставляя после трех книг Петровского времени труды двух важнейших переводчиков 1730-х гг., Новиков показывает (возможно, невольно), что два издания таубертова перевода из Байера стоят четырех тиснений труда Волчкова (стоит учитывать, что в новиковском «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1772) Волчков не упоминается, а Тауберт охарактеризован как автор двух «достойных похвалы» предисловий и переводчик «многих полезных книг»). Владельческие записи на экземплярах «Азовской истории» не позволяют прочитывать «мещанство» читателей из новиковской характеристики как строгий социальный маркер: вплоть до конца XVIII в. сословно идентифицируемые владельцы оказываются исключительно дворянами или духовными лицами в чине по меньшей мере архимандрита³⁰. «Просвещенность» отличной от «мещан» груп-

²⁹ Другие случаи заказа иноязычных изданий единичны и также не могут быть связаны с учебным контекстом.

³⁰ См., помимо лиц, упомянутых в работе А. Ю. Самарина, владельцев петербургских экземпляров: казанский помещик Андрей Крупетской (БАН № 23077; изд. 1738 г.; записи включают краткую семейную летопись 1773–1778 гг.,

пы читателей описывается Новиковым как неумение различить среди «головных уборов» книгу и пудру, а выходящим многими изданиями «мещанским» противопоставлены книги не столько «хорошие и полезные», сколько не находящие покупателя («хорошие и полезные» лишь «в число сих последних ... попались»). Эта сложная конструкция одновременно вычленяет в книжной продукции первой половины XVIII в. наиболее заметные с точки зрения книжного рынка 1770-х гг. памятники; наделяет их — через метонимию «мещанства» — положительными качествами соответствия здравому смыслу; приписывает им вместе с тем — через нее же — устарелость и низкий социальный капитал по несоответствию более поздней подлинной «просвещенности»; и наконец, конструирует идеального нового (элитарного) читателя, который будет читать «хорошие и полезные книги», обладая одновременно здравым смыслом «мещанина» и интересом к плодам истинного «просвещения». Таким образом, в середине 1770-х гг. «Азовская история» продолжала восприниматься как ключевое издание первой половины века, отталкиваясь от которого можно было конструировать новую словесность.

Этот статус сыграл, по-видимому, наряду с политической актуальностью³¹ свою роль в последнем переиздании книги в 1782 г. Между тем ее постепенная архаизация, отмеченная Новиковым, повлияла на неудачу этого издания. Его тираж составлял, скорее всего, 800 экземпляров³². Не вызывает сомнения, что в момент выхода книга вызывала интерес у книгопродавцев [Зайцева 2005: 103] и, по-видимому, хорошо

в т. ч. о записи сына в полк); белгородский помещик [?] Андрей Федорович Семенов (БАН № 23078д; изд. 1738 г.); Семен Марин, а также М., А. и В. Стромилковы, из которых последний замечает: «Как начал вспоминать себя/ так помню эту книгу, вместе с Иппокреной» (РНБ 3/866; изд. 1768 г.; здесь же — запись: «Из кн. [?] Эммина»); архиепископ ярославский Антоний (Знаменский) (РНБ 139/21; изд. 1782 г.; запись 6 апр. 181 г.); епископ тверской Гавриил (Петров) (РНБ: РЗФ 18 в. 3/866а); архимандрит Иверского монастыря Авраамий (РНБ 138/125; изд. 1738 г.; экземпляр поднесен послушником Александром Невского монастыря стряпчим Иваном Коверевым 3 янв. 1746 г.).

³¹ Выход третьего издания можно соотнести с ситуацией весны-лета 1782 г., когда в связи с новостями об активных попытках Турции отстранить от власти в Крыму Шахин Герая русская сторона начала готовить включение полуострова в состав империи.

³² В бумагах академической канцелярии и комиссии, а также типографии и книжной лавки найти данные за 1782 г. о печатании и поступлении книги в продажу не удалось. Единственное исключение — упоминание в рапорте фактора типографии Лыкова за май-июнь 1782 г. о том, что в эти два месяца (как следует из других документов, либо с 1 по 7 мая, либо с 20 по 30 июня) было набрано «к истории азовской титула четверть листа, в большую осьмушку из разных литер» (т. е. два листа в 8°, — шмуцтитул и титул) и запечатано 200 листов, т. е. отпечатано 800 экземпляров. [СПбФ АРАН. Ф. 3, оп. 4, № 58/1, л. 57 об. — 58; № 60/1, л. 13–18]. Уверенно можно говорить, что книга печаталась не ранее 1781 г., поскольку этим годом датирована использованная для нее бумага.

расходилась в первые два года — до того, как после присоединения Крыма в 1783 г. книжный рынок наполнился актуальной литературой о новых приазовских и черноморских территориях. После 1784 г. в год удавалось продать в среднем не более 5 экземпляров³³. Проблемы с реализацией подтверждает обилие сохраняющихся в библиотеках неразрезанных экземпляров. К концу 1780-х гг. «Азовская история» перешла из разряда актуальных сочинений, формирующих культуру, в архив.

«Азовская история» и историко-литературный нарратив

Сделанные наблюдения позволяют, наконец, генерализовать кейс с введением «Азовской истории» в школьную программу как образцового «автора» и попытаться использовать его для корректировки представлений о литературной ситуации в России 1730–1740-х гг.

Сложившийся в настоящее время историко-литературный нарратив лишь на первый взгляд безболезненно инкорпорирует 1730-е гг. в общий рассказ о литературе в России XVIII в. Взгляд на «петровское время», ищущий в сочинениях этой эпохи «явлений», подготавливающих «становление новой русской литературы»; включение 1730-х гг. в крупные хронологические блоки, захватывающие 1740-е, 50-е, 60-е гг. (с использованием или без унифицирующей категории «классицизма»), позволяющее пройти первое десятилетие скороговоркой, чтобы осмыслить период через более поздние высказывания; построение нарратива о 1730-х гг. на авторах, относительно легко поддающихся ассимиляции в рассказе о конвенциональной «литературе» (Феофан Прокопович, Кантемир, Тредиаковский), — все эти гладкие ходы возможны только при опоре на готовое, увиденное из современности понятие «литературы» (отделенной от языка, истории, науки, политики и пр.)³⁴.

Следует заметить, что подобное готовое понимание «литературы» применительно к 1730-м гг. лежит в основе даже наиболее глубоких и аналитически заостренных исследований, посвященных этому периоду. Так, В. М. Живов в своем итоговом труде, назвав главку, посвященную работе грамматистов Академии наук в конце 1720 — начале 1740-х гг., «Нормализация языка и утверждение роли литературы», проведя мысль через череду чрезвычайно тонких и убедительных разборов, удачно

³³ В 1784 г. в петербургской книжной лавке Академии наук оставалось 154 экз. «Азовской истории»; в 1789 г. возвращено из лавки на склад 121 экз., а к 1794 г., после возвращения нераспроданных книг из московской академической лавки, на складе оказалось 391 экз.; в 1796, 97 и 98 гг. было продано соответственно 5, 5 и 6 экземпляров [Зайцева 2005: 113; Зайцева 1984: 162–163].

³⁴ Отсылаем читателей к достаточно показательным историко-литературным трудам, появившимся в последние десятилетия: [Николаев 1996; Клейн 2010; Бухаркин 2013; Kahn, Lipovetsky, Reyfman, Sandler 2018].

показал во всей его сложности движение «нормализации» языка, оставляя между тем «литературу» этого периода почти не рефлекслируемым термином. Общая схема главы предполагает, что к концу 1720-х гг. академические переводчики создают «новый идиом», который «получает первые атрибуты литературного языка — кодифицированность и [...] элементы нормализованности». В. М. Живов отмечает при этом «следующий существенный момент: никакого отношения к литературе данное развитие не имеет, оно совершается вне всякой связи с литературным процессом и реализуется в текстах, которые даже при расширительном понимании не могут быть названы литературными». Задачи создания «новой литературы, т. е. литературы, непосредственно ориентированной на европейские образцы» и «академической нормализации» объединяются и становятся взаимным процессом после выхода в свет «Езды в остров любви» Третьяковского (1730), что проявляется, в частности, в том, что академическая грамматика (в изводе «Anfangs-Gründe» Адодурова 1731 г.) кодифицирует «литературный язык» как особый регистр языка. Общий поиск регламентированного языка приводит наконец к концепции ««славенороссийского» языка», реализующейся прежде всего в «литературе», после того как «со второй половины 1730-х годов [...] усилиями Третьяковского, а несколько позже Ломоносова и Сумарокова составляется минимальный корпус образцовых (претендующих на образцовость) текстов» [Живов 2017: 1000–1025].

Нельзя не отметить эффектность неявной монтажной склейки, делающей возможным при подобном разговоре о литературе скачок от первой печатной книги Третьяковского к ситуации 1740-х гг. Возникающая здесь иллюзия литературной (поэтической) континуальности строится на наборе конвенциональных представлений, не уникальных для Живова, проявляющихся, однако, в этом труде очень отчетливо. Заслуживающая внимания «литература» описывается им апофатически, через очерчивание границ того, что не соответствует «литературному» «даже при самом расширительном толковании»: «различные математические, географические, физические и анатомические трактаты <[.]> обзор происшествий в мире и описание интересных явлений в природе» [Живов 2017: 1000]. В центре этой структуры располагаются «стихи», явления «новой [европейской] литературы», жанрово упорядоченные и ориентированные на готовые (переосмысляемые) европейские модели. Необходимость для разговора о подобной «литературе» некоторой «критической массы» таких «стихов» необходимо смещает содержательный разговор о ней в 1740-е гг.

Кейс с появлением в 1738 г. «Азовской истории» в гимназической программе в качестве «автора» заставляет, как представляется, пересмотреть

основы этого внутренне непротиворечивого нарратива. Приложение к гимназическому регламенту Крафта показывает, что вербальная культура Академии наук к концу 1730-х гг. обладала набором текстов, созданных этой институцией и воспринимавшихся людьми, причастными к ней, как образцовые. Бесспорны ли в таком случае попытки искать «образцовые сочинения» только среди «стихов»? Возможно ли описание литературной ситуации рубежа 1730/40-х гг., помещающее «стихи» в те позиции культурного поля, какие отводились им акторами в эту эпоху, а не структурами, сформировавшимися позднее? Допустимо ли предположить, что эта вербальная культура строилась на различиях, отличных от положений школьной поэтики?

Следует прежде всего заметить, что «стихи» не занимали, по-видимому, в этой культуре не только центрального, но и доминирующего положения. В апреле 1743 г., пытаясь поправить финансовое положение Академии наук через распродажу залежавшихся на складе книг, управлявшая Академией комиссия разработала проект сенатского указа (подписан А. К. Нартовым и Волчковым), который в случае принятия обеспечивал бы массовую продажу академических изданий учреждениям и частным лицам. Репертуар академических изданий описывался здесь тематически как с одной стороны оригинальная юридическая, а с другой — переводная историческая, экономическая и нравоучительная литература³⁵, т. е. неявным образом заметная часть репертуара — ученые книги профессоров Академии и ее поэтическая продукция — оказывалась неназванной, ей отводилось (как и в рассмотренном выше случае с заказами академических служащих на книги) периферийное, маргинальное место. И если «ученые» сочинения заслуживают все же отдельного внимания в одном из пунктов (предлагается перевести на русский язык все вышедшие после 1728 г. тома «Комментариев» и «от профессоров [...] другие книги»), то поэтические издания размываются в разряде «других книг». То, что издания Академии наук представлены в проекте как прежде всего переводные книги, могло бы быть объяснено биографией одного из его составителей, Волчкова, наиболее активного русского переводчика 1730/40-х гг. Между тем гомологичность (в терминологии П. Бурдые) проекта и прошений академических служащих 1743 г. позволяет предположить, что Академия наук перечисляла здесь

³⁵ «Дабы [...] коллегии [...] канцелярии, комиссии, ратуши, таможи и всякаго звания судебныя места, во-первых, указныя, как главныя до их должности надлежащия книги, [...] но [и] историческия, экономическия, художественныя [здесь — связанные с «художествами», прикладные. — А. К., Т. К.], нравоучительныя и другия, при академии с европейских языков на российской язык переведенныя [и] напечатанныя [...] книги [...] сами брали» [Материалы V: 640–641; ср.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 76. Л. 271–274 об. и пред.]

свои заметные издания, пользующиеся наибольшим читательским спросом, упоминание которых не вызвало бы возражений при прохождении документа через вышестоящую инстанцию. Поэтическая продукция Академии наук в 1743 г. не заслуживала упоминания.

Продвигаясь от этой точки к началу 1730-х гг., мы будем сталкиваться с явлениями, говорящими о маргинальном положении поэзии едва ли не чаще, чем со свидетельствами ее уверенного существования и развития. Лакуна в оригинальном стихотворном творчестве Тредиаковского между 1735 и 1742 гг. [Харер 2004: 26; Алексеева 2005: 128]. Постепенное снижение панегирической активности немецкоязычных академических стихотворцев от 1736 к 1740 гг. [Погосян 1997: 55-60]. Отказ в 1738 г. от практики поэтического перевода немецких панегириков (переход от поэтических переводов Тредиаковского к прозаическим — Адодурова) [Алексеева 2005: 138–139]. Противоречие между предложенной Тредиаковским в 1735 г. программой деятельности Российского собрания и известной практикой занятий этого органа, за работу которого с 1736 г. отвечал, по-видимому, единолично Адодуров³⁶. Взгляды которого на язык и литературу вряд ли обоснованно могут рассматриваться как вполне соответствующие декларациям Тредиаковского, в том числе начиная с самых ранних свидетельств.

В. М. Живовым остроумно и, скорее всего, справедливо отмечено, что появление в России 1730-х гг. новой вербальной культуры маркируется появлением в прилагавшихся к Вейсманову лексикону «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731) оговорки о существовании особого поэтического («in Versen») языка, допускающего отступление от норм стандартного речевого употребления (можно предполагать, что эта оговорка была связана с необходимостью учитывать в описании языка поэтическую практику Тредиаковского) [Живов 2017: 1016]. Зафиксированная грамматикой дифференциация языка не означала, однако, ни беспрепятственного сосуществования «естественного» и «поэтического» языков, ни тем более признания за языком «стихов» иерархически доминирующего положения. Показательно, что изданная М. Гренингом

³⁶ Противопоставление видной (прежде всего по речи при открытии) работы Тредиаковского в Российском собрании и признающегося почти не существовавшим труда в рамках общества других его членов оказывается общим для исследователей, даже если они радикально различно решают вопрос о роли Тредиаковского в создании общества: «Тредиаковский институционализировал лишь самого себя» [Живов 2002: 573]; «Поставленные им перед членами Собрания задачи сформулированы, очевидно, им самим, и трудно сказать, встретил ли он сочувствие слушателей» [Алексеева 2009: 577]. Основные сведения о работе Российского собрания сообщены П. П. Пекарским [1870: 524–525, 638–641] и Ю. Х. Копелевич [1977: 150–154]; из позднейших работ представляет интерес исследование Е. Г. Пивоварова [2018]. См. также прим. 40.

русская грамматика (1750), отражающая, по-видимому, текст грамматического курса, составленного Адодуровым к концу 1730-х гг., не упоминает о поэтических вольностях ни в разделе, восходящем к соответствующему месту «Anfangs-Gründe», ни в других случаях. Кодификация альтернативной поэтической нормы в 1731 г. могла означать не столько полное признание прав стихового узуса, сколько помещение его в зону резервации, предписание ему подчиненного и сомнительного положения, которое к концу 1730-х гг. могло получить маргинальный статус. Практика главного академического стихотворца 1730-х гг. могла быть для других сотрудников Академии, занятых работой над языком, отклонением от нормы, тем, на что можно было смотреть со стороны и не считать относящимся к основам вербальной культуры³⁷.

Из периферийного положения поэзии (панегирической поэзии, так как издательская практика Академии наук конца 1730-х гг. не знает иной) не следует, однако, что профессора и академические переводчики не считали важным создание и поддержание системы различий, ограничивающей нормативную область вербального производства, отделяющую «способных» авторов от «неспособных» и вырабатывающую свои нормы публичного говорения. Включение «Азовской истории» в школьную программу в качестве образцового текста позволяет увидеть результат подобного отбора и сделать предположение о его основаниях, выходящих за границы школьного узуса. Гимназистам предлагалось не просто заниматься по одному из немногих трудов Академии наук, доступных для билингвального чтения. «Автором» (русским и немецким) оказывалось сочинение, воспринимавшееся и сотрудниками Академии наук, и публикой на рубеже 1730/40-х гг. как вершинное сочинение институции, создававшей в России современную вербальную культуру. В одном ряду с этой книгой выступали другие труды Российского собрания, переводы Адодурова, Эмме, Тауберта, Шванвица и Волчкова (стоит помнить, что выходявшие в печать переводы Российского собрания, несмотря на указание персональной ответственности, были плодом коллегиальной работы³⁸). Безотносительно четких

³⁷ Между тем одним из заметных следствий «открытия» академических 1730-х гг., сделанного во второй половине XX в. преимущественно лингвистами, стало очевидное изменение статуса Третьяковского, который в последние десятилетия в русскоязычной академической традиции, по большому счету, стал персонифицировать эту эпоху [Николаев 2004: 178–179]. Можно предполагать, что этому новому статусу способствовало не только обилие эксплицитных, теоретических или претендующих на теоретичность высказываний Третьяковского о языке и словесности в России, но и его поэтическая практика, автоматически воспринимаемая как «литература».

³⁸ Степень участия членов Российского собрания в работе этой конференции прослеживается по коллективному отчету сотрудников Академии наук 1737 г. Данные здесь характеристики показывают и коллегиальную ответственность за

представлений о том, как эти авторы конструировали поле квалифицированного производства вербальных текстов, история литературы в России не только 1730-х гг., но и следующих десятилетий будет по меньшей мере неполной.

Одной из важных особенностей комплекса учебных пособий академической гимназии, предложенного Регламентом Крафта в 1738 г., оказывался отказ от переводов, созданных в петровское время. На место географии Гюбнера, изданной в 1719 г. и использовавшейся в гимназии вплоть до 1738 г., приходит география Крафта в переводе внештатного члена Российского собрания Эмме³⁹. Вместо составленных М. Шафировым на основании переводов из пособий К. Д. фон Штилера и А. Бозе «Прикладов, как пишутся комплементы разные на немецком языке» [Полонский 2013] вводится эпистолярное пособие Нейкирха⁴⁰, предлагавшего, в отличие от пособий, использованных Шафировым, не

выпускаемые Академией переводы, и различную степень вовлеченности членов в их обсуждение, и иерархичность его членов. Адодуров: «свои труды читает в российском собрании, а притом слушает всяких переводов, которыхы другия читают, и старается, чтоб оныя переводы на российском языке исправно в печать выходили». Тауберт: «содержит в российском собрании протокол, читает в оном свои собственные переводы, и в исправлении от других прилагаемых переводов свое мнение объявляет». Эмме: «бывает трижды в неделю в российском собрании, читает свои труды или чтения других переводов слушает и в поправлении оных помогает». Третьяковский: «при российском собрании ... он свои труды читает и других переводы слушает». Шванвиц: «читает свои дела в Российском собрании, а притом и других чтения слушает». Волчков: «бывает с вышеозначенными в Российском собрании». Сотрудники Академии наук с официальным статусом «переводчиков» (И. С. Горлицкий, И. А. Толмачев) не упоминают о своем участии в работе конференции [Летописи 1863: 22–26; Материалы III: 572–580]. Разделение обязанностей между «переводчиками» и прочими членами Российского собрания как не имеющими и имеющими голос при «исправлении переводов» неявно следовало из уставного документа этого органа, распоряжения И. А. Корфа от 14 марта 1735 г.: «переводчикам сходитья ... и иметь между собой конференцию, снося и прочитывая все, что по перевел, и иметь тщание в исправлении российскаго языка в случающихся переводах, чего ради в оных конференциях присутствовать ... Третьяковскому ... Адодурову и ... Швановичу» [Материалы II: 633].

³⁹ Атрибуция перевода «Краткого руководства к математической и натуральной географии» 1739 г., вышедшего без указания имени переводчика, И. И. Голубцову, воспроизведенная в том числе «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века», восходит к ошибочной отсылке П. П. Пекарского на перевод другого труда Крафта, действительно выполненного Голубцовым [Пекарский 1870: 464; Смирдин 1828: 305, № 3953]. Переводчик устанавливается на основании сводного отчета о работах сотрудников Академии наук в 1737 г. [Летописи 1863: 25; Материалы III: 576]. Об участии Ф. И. Эмме, советника Камер-коллегии, впоследствии президента Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, в трудах Российского собрания см.: [Материалы II: 696, 828; Материалы IV: 553, 583; Материалы V: 22].

⁴⁰ Каталог 1738 г. немецких книг, продающихся в книжной лавке Академии наук, наиболее информативный для реконструкции набора учебных пособий академической гимназии, указывает только один учебник Нейкирха — «Anweisung zu Teutschen Briefen» (Leipzig, 1721).

образцы канцелярского или салонного языка, но ориентированный на французскую модель эпистолярный стиль, имитирующий «естественную» разговорную речь [Nickisch 1994: 79–80]⁴¹. Место переведенного еще в конце 1720-х гг. пособия по арифметике — «Сокращения математического ко употреблению его величества императора всея России» — заняла арифметика Л. Эйлера в переводе Адодунова. «Школьные беседы» М. Кордье в качестве элементарной латинской хрестоматии были заменены на «Школьные разговоры» Ланге, переведенные Шванвицем. Сменялись и пособия, которые будут переведены теми же бывшими членами Российского собрания только в 1740-х гг.: на место не переведенной, но использовавшейся с начала 1730-х гг. истории Гюбнера пришел учебник Кураса, а латинская грамматика («донат») И. Рения сменилась новейшей прусской «Grammatica Marchica», основанной на введенной в академическую гимназию еще в 1735 г. грамматике Ланге.⁴²

Важно понимать при этом, что новым в пособиях Регламента 1738 г. было не только содержание, но и иные способы подачи материала и нарративные рамки. Так, катехистичная форма учебников Рения и Делия сменялась монологичным изложением Ланге, Крафта, и Эйлера, а с другой стороны, пособие Гюбнера, использовавшее вопросы лишь для вычленения связных главок, менялось строго катехистичным учебником Кураса, делившим изложение вопросами на мельчайшие подробности⁴³. За счет монологичности и иерархичной упорядоченности через параграфы, перечни и списки «правил» эти пособия приобретали характер законодательного акта (особенно показателен здесь вводившаяся в курс латинской школы академической гимназии «Grammatica Marchica», создававшаяся для унификации преподавания в прусских школах). Отказ от «старого» (неурегулированного) языка переводов петровского времени оказывается в этом контексте очень важной, но лишь одной из составляющих более общего процесса изменения вербальной культуры, в котором литературное, языковое, политическое и пр. взаимосвязаны и не дифференцируемы без заметных содержательных потерь.

⁴¹ Между тем, к концу 1739 г. издания книги Шафировова 1708, 1712 и 1725 гг. все еще имелись в книжной лавке Академии наук [Луппов 1976: 138]. Скорее всего, на основании пособия Нейкирха русское «собрание писем» должен был создать Адодунов [Материалы IV: 57, 87, 482].

⁴² Подробную информацию об учебных пособиях Академии наук 1720/30-х гг. см. в статье: [Костина, Кирикова 2018].

⁴³ Так, первый вопрос Гюбнера, «Как разделяется время сего мира?» превращается у Кураса в четыре — «Как долго существует этот мир?»; «Что случилось в нем самого удивительного?»; «Как лучше всего разделить время?»; «Как именно?» [Hübner 1730: 1; Curas 1730: 1]. Стремление к максимальной вопросной раздробленности — отличительная особенность немецкой школьной традиции в курсах истории в первой половине XVIII в. (см.: [Jacobmeyer 2011: 31–34]).

Академические переводчики 1730-х гг. конструировали нормативный язык через во многом фикциональное «естественное» употребление (вовсе не равнозначное *'usage'* «хорошего общества»), что само по себе не требовало создания «литературы», ядром которой оказывались бы «стихи», тем более — жанр оды с его напряженными отношениями между вербальной тканью воображения и реальным миром. Ключевое для курса немецкого стиля в академической гимназии эпистолярное пособие Нейкирха отказывалось от «нынешнего вкуса двора» и «обычая» как источников, учащих искусству писать и говорить, в пользу не ведающих ошибок «разума» и «природы», приобщение к которым (в числе шести основных добродетелей пишущего) требовало не столько вербальных навыков «ясности и краткости», сколько нравственного дисциплинирования: быть благопристойным, учтивым, искренним, осмотрительным и помнить о своем состоянии⁴⁴. Точно так же «Школьные разговоры» Ланге оказывались не только пособием для усвоения грамматики и лексики чужого языка, но и средством овладеть нормативными речевыми оборотами в «естественных» ситуациях общения, отмеченных теми же качествами благопристойности, разумности и дисциплины, в том числе на уровне атомарных речевых актов. Внимание к *Redens-Arten*, «речам», отдельным оборотам и фразам, существующим до и помимо целостной коммуникации в «естественных» речевых ситуациях⁴⁵, объединяло и учебную практику академической гимназии, особенно в классах стиля, и работу Российского собрания⁴⁶.

⁴⁴ «Ich habe bey diesem wercke nicht so wohl auf die regeln der schule, als auf den heutigen geschmack des hofes, nächst diesem auf die gewohnheit, und vor allen dingen auf die natur gesehen. Der geschmack des hofes kan sich zuweilen vergehen; die gewohnheit kan entweder schädlich oder thöricht seyn; die wahre vernunftt aber, und die natur betrügen niemahls [...] Schreibet er für sich, so hat er an seiner seiten folgendes in acht zu nehmen: Erstlich, muß er deutlich und kurtz, zum andern, ehrbar, drittens, höflich, vierdtens, aufrichtig, fünfftens, bedachtsam und fürsichtig, sechstens, in allem nach seinem zustande schreiben» [Neukirch 1727: 3–6].

⁴⁵ Подобные вырванные из «разговоров» реплики составляют, например, большую часть выпущенного Академией наук в продажу около 1737 г., но созданного, по-видимому, около 1733 г. сборника «Смешанные речи», где друг за другом могут следовать такие фразы: «383. Не очюнь крепко за веревку тяни, чтоб она не порвалась. 384 Купи сукна, да вели твое платье починить. 385 Принеси мне шесть бутылок вина, одну за другою. 386 Этими ножницами можешь ты резать бумагу, а не кожу. 387 Вот тебе платье поплоше, которое ты по всяк день (или, за все) носить можешь, чтоб тебе другова, которое гораздо дороже, на долее стало» [Vermischte Redens-Arten: 38].

⁴⁶ Форма коллективных трудов Адодурова, Тауберта и Эмме в Российском собрании, описываемая ими как «старается, чтоб оныя переводы на российский языке исправно в печать выходили», «в исправлении от других прилагаемых переводов свое мнение объявляет», «чтения других переводов слушает и в поправлении оных помогает» (см. прим. 40), не могла не предполагать работы прежде всего над установлением нормативных соответствий русских «речей» иноязычным.

Несмотря на отсутствие деклараций и манифестов, этот мало заметный труд переводческой конференции с вниманием к «естественному» языку нормативной действительности, проявляющемуся в «письмах» и «разговорах», делал возможной структуру словесности, в которой художественной альтернативой располагающим в центре историческим сочинениям вроде «Азовской истории» оказывались не только стихи, но и, например, такой жанр как разговоры. Связанный с работой Российского собрания В. Н. Татищев (его примечания к «Российской истории» в 1739–1741 гг. перевел активно участвовавший в работе переводческой конференции Эмме [Андреев 1994 (=1962): 25–26]) был автором не только «Разговора двух приятелей» (1733), но и, как установлено С. С. Польским⁴⁷, переработки важных для рукописной традиции начала царствования императрицы Елизаветы «Солдатских разговоров» (1743). Напомним, что еще в конце 1740-х гг. лейпцигская серия «Разговоров в царстве мертвых» Д. Фассмана⁴⁸ будет упомянута Ломоносовым в его Риторике как важнейшее сочинение современной европейской литературы, а сам жанр разговора удостоится особой главы, включающей два самых пространных перевода этой книги (из Эразма и Лукиана).

Рассматривая вербальную культуру России 1730-х гг. с этой точки, можно увидеть, что ее дальнейшее поэтическое развитие (через условную триаду Третьяковского-Ломоносова-Сумарокова) было лишь одним из потенциальных путей. Доминирование в русской печатной «литературе» 1740–50-х гг. поэтических (или говорящих о поэзии) текстов может быть оценено как история не только приобретений, но и потерь. Далекой перспективой развития структуры вербального производства, в которой остро актуальные «разговоры» не менее важны, чем «стихи», могла стать та описывающая современную действительность через «письма» и «разговоры» фикциональная словесность, которая в западноевропейском контексте первой половины XVIII в. вела к конструированию вербальности буржуазного общества, — от журналов Дж. Аддисона и Р. Стиля до романов С. Ричардсона и мещанской драмы. С отказом от «разумности» художественного языка, разрабатывавшейся переводчиками Российского собрания, в пользу парения оды и экзотизированной трагедии печатная оригинальная русская словесность на несколько десятилетий оказалась лишена предполагавшейся практикой 1730-х гг. «натуральной» составляющей.

⁴⁷ Ссылаемся на его доклад «“Солдатские разговоры” (1743) и жанр диалога в русской литературе 1720–1740-х гг.», прочитанный 21 июня 2019 г. в Санкт-Петербурге на круглом столе «1730-е: истории о литературе».

⁴⁸ О ее значимости для России первой половины XVIII в. см.: [Скворцова 2017].

Библиография

Алексеева 2005

Алексеева Н. Ю., *Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

——— 2009

Алексеева Н. Ю., Комментарии, В. Третьяковский. *Сочинения и переводы как стихами, так и прозой*, С.-Петербург, 2009, 501–654.

Андреев 1994 (=1962)

Андреев А. И., Труды В. Н. Татищева по истории России, *Татищев В. Н. Собрание сочинений*, 1, Москва, 1994, 5–38 (репринт издания 1962 г.).

Байбурова 1996

Байбурова Р. М., Богатый дворянский дом 40-х годов XVIII века. Внутреннее устройство, убранство, вещи (на примере братьев Кантемиров), *Памятники культуры: новые открытия*, 1994, Москва, 1996, 409–444.

Беляев 1896

Беляев И. С., *Издания Академии наук в 1736 г.*, Москва, 1896.

Бухаркин 2013

Бухаркин П. Е., *История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы)*, С.-Петербург, 2013.

Владимиров 1867

Владимиров В. В., *Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие*, 1, С.-Петербург, 1867.

Гравировальная палата 1985

Гравировальная палата Академии наук XVIII века, М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий, сост., Ленинград, 1985.

Живов 2002

Живов В. М., Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков, Живов В. М., *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*, Москва, 2002, 557–637.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2017.

Зайцева 1984

Зайцева А. А., Ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII в., *Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв.*, Ленинград, 1984, 140–164.

——— 2005

Зайцева А. А., *Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века*, С.-Петербург, 2005.

Кирикова, Костина 2018

Кирикова О. А., Костина Т. В., Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг., *Детские чтения*, 1, 2018, 195–220.

Клейн 2010

Клейн Й., *Русская литература в XVIII веке*, Москва, 2010.

Копелевич 1977

Копелевич Ю. Х., *Основание Петербургской академии наук*, Ленинград, 1977.

Костин, Костина 2015

Костин А. А., Костина Т. В., «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта 1739 г. и его подготовка, *Регулярная академия учреждена будет... Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, Москва, 2015, 219–263.

Костина 2018

Костина Т. В., База данных «Гимназисты и студенты учебных заведений Академии наук 1725–1805 гг.» как инструмент исследования межпоколенной социальной мобильности, *Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия*, С.-Петербург, 2018, 484–493.

Летописи 1863

Летописи русской литературы и древности, 5, Тихонравов Н., изд., Москва, 1863.

Луппов 1976

Луппов С. П., *Книга в России в послепетровское время. 1725–1740*, Ленинград, 1976.

Материалы [II, III, IV, V, IX, X]

Материалы для истории Императорской академии наук, 2, С.-Петербург, 1886; 3, 1886, 4; 1887, 5, 1889; 9, 1897; 10, 1900.

Николаев 1996

Николаев С. И., *Литературная культура Петровской эпохи*, С.-Петербург, 1996.

——— 2004

Николаев С. И., Третьяковский в исследованиях последних десятилетий, В. К. Третьяковский: К 300-летию со дня рождения, С.-Петербург, 2004, 172–179 [= *Чтения Отдела русской литературы*, 3].

Новиков 1951

Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, Москва, Ленинград, 1951.

Описание 1913

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода, 19, С.-Петербург, 1913.

Пекарский 1870

Пекарский П. П., *История Императорской академии наук в Петербурге*, 1, С.-Петербург, 1870.

Пивоваров 2018

Пивоваров Е. Г., К истории создания Российского собрания Академии наук, *Социология науки и технологий*, 4, 2018, 5–21.

Погосян 1997

Погосян Е., *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту, 1997.

Полонский 2013

Полонский Д. Г., Первый русский печатный письмовник и его роль в формировании эпистолярной культуры Нового времени, *Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці*, Одесса, 2013, 244–260.

Протоколы 1897

Протоколы заседаний Конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года, 1, С.-Петербург, 1897.

Самарин 1998

Самарин А. Ю., *Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.)*, Москва, 1998.

Скворцова 2017

Скворцова Е. А., Иллюстрации к «Разговору в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725) как инструмент конструирования представлений о России в Европе, *Slověne = Словъне*, 2, 2017, 276–309.

Смирдин 1828

Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, С.-Петербург, 1828.

Успенский 1975

Успенский Б. А., *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики*, Москва, 1975.

Уставы 1975

Уставы Академии наук СССР, Москва, 1975.

Федюкин 2014

Федюкин И. И., «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг., *Гистории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*, Москва, 2014, 83–142.

Харер 2004

Харер К., Василий Третьяковский и Якоб Штелин (Реформа русского стихосложения и немецкие академические поэты), В. К. Третьяковский: к 300-летию со дня рождения, С.-Петербург, 2004, 20–32.

Black 2001

Black R., *Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy. Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century*, Cambridge, 2001.

Curas 1730

Curas H., *Einleitung Zur Universal-Historie*, Berlin, 1730.

Curtius 1948

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, München, 1948.

Geschichte 1896

Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit, 4, 1, Stuttgart, 1896.

Green 2009

Green I., *Humanism and Protestantism in Early Modern English Education*, Burlington, 2009.

Hübner 1730

Hübner J., *Kurtze Fragen aus der Politischen Historia*, 1, [Leipzig], 1730

Jacobmeyer 2011

Jacobmeyer W., *Das deutsche Schulgeschichtsbuch. 1700–1945*, 1, Berlin, 2011.

Kahn, Lipovetsky, Reyfman, Sandler 2018

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Keipert 1983

Keipert H., Die Petersburger “Teutsche Grammatica” und die Anfänge der Russistik in Rußland, *Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*, Freidhof G., Kosta P., Schütrumpf M., hrsg., 3 (= Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert), München, 1983, 77–140.

——— 1987

Keipert H., Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademie-Gymnasiums, *Polata Knigopisnaja*, 16, 1987, 68–82.

——— 1994a

Keipert H., Die “Colloquia scholastica” von Joachim Lange, *Aufklärung und Erneuerung. Beiträge zur Geschichte der Universität Halle im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1694–1806)*, Hanau, Halle, 1994, 225–233.

——— 1994b

Keipert H., Vasilij Lebedev und sein Sokraščenie grammatiki latinskoj (S.-Peterburg 1746), *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, 1994, 117–133.

——— 1999

Keipert H., Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58, 2, 1999, 255–291.

Neukirch 1727

Benjamin Neukirchs Anweisung zu Teutschen Briefen, Leipzig, 1727.

Nickisch 1994

Nickisch R. M. G., Briefsteller, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 2, Tübingen, 1994, 76–86.

Ong 1959

Ong W. J., Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite, *Studies in Philology*, 56, 2, 1959, 103–124.

Pachtler 1894

Ratio studiorum et institutiones scholasticae Societatis Jesu per Germaniam olim vigentes collectae concinnatae a G. M. Pachtler, 4, Berlin, 1894.

Vermischte Redens-Arten

Vermischte Redens-Arten in Rußischer und Teutscher Sprache verfasst = Смешенные речи на немецком и русском языке сочиненные, [С.-Петербург, 1730-е].

Verzeichnis 1739

Verzeichnis derjenigen Bücher, die bis hieher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch eigenen Verlag gedruckt werden und im Buchladen zu finden sind, St. Petersburg, 1739.

Verzeichnis 1740

Verzeichnis derjenigen Bücher, die bisher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch eigenen Verlag gedruckt worden und im Buchladen zu finden sind, St. Petersburg, 1740.

Winter 1953

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

References

Alekseeva M. A., Vinogradov Yu. A., Pyatnitskiy Yu. A., eds., *Graviroval'naia palata Akademii nauk XVIII veka*, Leningrad, 1985.

Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.

Alekseeva N. Yu., *Kommentarii, V. Trediakovskii. Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu*, St. Petersburg, 2009, 501–654.

Andreev A. I., Trudy V. N. *Tatishcheva po istorii Rossii, Tatishchev V. N. Sobranie sochinenii*, 1, Moscow, 1994, 5–38.

Bayburova R. M., *Bogatyi dvorianskii dom 40-kh godov XVIII veka. Vnutrennee ustroistvo, ubranstvo, veshchi (na primere brat'ev Kantemirov)*, *Pamiatniki kul'tury: novye otkrytiia*, 1994, Moscow, 1996, 409–444.

Black R., *Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy. Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century*, Cambridge, 2001.

Bukharkin P. E., *Istoriia russkoi literatury XVIII veka (1700–1750-e gody)*, St. Petersburg, 2013.

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, München, 1948.

Fedyukin I. I., «Chest' k delu um i okhotu razhdaet»: reforma dvorianskoi sluzhby i teoreticheskie osnovy soslovnoi politiki v 1730-ye gg., *Gishatorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniia k iubileiu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo*, Moscow, 2014, 83–142.

Green I., *Humanism and Protestantism in Early Modern English Education*, Burlington, 2009.

Jacobmeyer W., *Das deutsche Schulgeschichtsbuch. 1700–1945*, 1, Berlin, 2011.

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Keipert H., Die Petersburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Rußland, *Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*, Freidhof G., Kosta P., Schüttrumpf M., hrsg., 3 (= Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert), München, 1983, 77–140.

Keipert H., Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademie-Gymnasiums, *Polata Knigopisnaja*, 16, 1987, 68–82.

Keipert H., Die «Colloquia scholastica» von Joachim Lange, *Aufklärung und Erneuerung. Beiträge zur Geschichte der Universität Halle im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1694–1806)*, Hanau, Halle, 1994, 225–233.

Keipert H., Vasilij Lebedev und sein Sokraščenie grammatiki latinskoj (S.-Peterburg 1746), *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, 1994, 117–133.

Keipert H., Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58, 2, 1999, 255–291.

Khärer K., Vasilii Trediakovskii i Yakob Shtelin (Reforma russkogo stikhoslozheniia i nemetskie

akademicheskie poety), V. K. Trediakovskii: k 300-letiiu so dnia rozhdeniia, St. Petersburg, 2004, 20–32.

Kirikova O. A., Kostina T. V., Uchebnye knigi v gimnazii Akademii nauk 1730-kh gg., *Detskie chteniia*, 1, 2018, 195–220.

Klein Y., *Russkaia literatura v XVIII veke*, Moscow, 2010.

Kopelevich Yu. Kh., *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk*, Leningrad, 1977.

Kostin A. A., Kostina T. V., “Reglament Gimnazii pri Imperatorskoi akademii nauk v Sankt-Peterburge” G. V. Krafta 1739 g. i ego podgotovka, *Reguliarnaia akademiia uchrezhdena budet... Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*, Moscow, 2015, 219–263

Kostina T. V., Baza dannykh “Gimnazisty i studenty uchebnykh zavedenii Akademii nauk 1725–1805 gg.” kak instrument issledovaniia mezhpokolennoi sotsial'noi mobil'nosti, *Millerovskie chteniya-2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhranении i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo naslediiia*, St. Petersburg, 2018, 484–493.

Luppov S. P., *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremia*. 1725–1740, Leningrad, 1976.

Nickisch R. M. G., Briefsteller, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 2, Tübingen, 1994, 76–86.

Nikolaev S. I., *Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi*, St. Petersburg, 1996.

Nikolaev S. I., Trediakovskii v issledovaniiaakh poslednikh desiatiletii, V. K. Trediakovskii: K 300-letiiu so dnia rozhdeniia, St. Petersburg, 2004, 172–179 [= *Chteniia Otdela russkoi literatury*, 3].

Novikov N. I., *Izbrannye sochineniia*, Moscow, Leningrad, 1951.

Ong W. J., Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite, *Studies in Philology*, 56, 2, 1959, 103–124.

Pivovarov E. G., K istorii sozdaniia Rossiiskogo sobraniia Akademii nauk, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 4, 2018, 5–21.

Pogosyan E., *Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.*, Tartu, 1997.

Polonskiy D. G., Pervyi russkii pechatnyi pis'movnik i ego rol' v formirovanii epistoliarnoi kul'tury Novogo vremeni, *Starodruki i ridkisi vydannia v universytets'kii bibliotetsi*, Odessa, 2013, 244–260.

Samarin A. Yu., *Rasprostranenie i chitatei' pervykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII – XVIII v.)*, Moscow, 1998.

Skvortcova E. A., Illustrations to “Gespräche in dem Reiche derer Todten zwischen dem vortreflichen Moscovitischen Czaar Petro Magno und dem grossen Tyrannen Ivan Basilowiz II” (Peter the Great and Ivan the Terrible) by David Fassmann (1725) as an Instrument of Constructing a Picture of Russia, *Slověne = Slověne*, 2, 2017, 276–309.

Uspenskij B. A., *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke. Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*, Moscow, 1975.

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

Zaytseva A. A., Assortiment knizhnoi lavki Akademii nauk v kontse XVIII v., *Kniga i knigotorgovlia v Rossii v XVI–XVIII vv.*, Leningrad, 1984, 140–164.

Zaytseva A. A., *Knizhnaia trgovlia v Sankt-Peterburge vtoroi poloviny XVIII veka*, St. Petersburg, 2005.

Zhivov V. M., Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsial'noe iavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov, *Zhivov V. M., Razysskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002, 557–637.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Андрей Александрович Костин, канд. филол. наук

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

доцент кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики;

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

ведущий научный сотрудник

190069 Россия, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, д. 121, каб. 302–303

akostin@hse.ru

Татьяна Владимировна Костина, канд. ист. наук

Санкт-Петербургский институт истории (Дом Н. П. Лихачева) РАН,

научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения

197110 Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.7.

tatianav.kostina@gmail.com

Received April 7, 2019